

- участие молодежи в волонтерских движениях;
- деятельность структур молодежного, студенческого и ученического общественного самоуправления, в том числе развитие молодежного парламентаризма [4].

Подводя итог нашим рассуждениям можно заключить, что межсекторное социальное партнерство в области государственной молодежной политики в России и Казахстане является сферой деятельности, открытой для всех социальных субъектов, которые обладают сходными с нормативно закрепленными государственными интересами по отношению к молодежи, а это предполагает их взаимовыгодные связи.

В управленческом плане субъект-субъектный подход к организации взаимодействия между государством и молодежью России и Казахстана носит стратегический, долгосрочный характер, что подтверждает его нормативное закрепление в документах ГМП.

Успех и массовость применения партнерских практик в ГМП РФ и РК обуславливается не только их нормативной предписанностью, но и их высокой практической ценностью, которая дополняется рядом попутно возникающих позитивных социальных эффектов. Эти эффекты обусловлены функциями социального партнерства, своеобразно реализующимися в сфере государственной молодежной политики.

Список литературы

1. Skrzyszewski S., Cubberley M. A new vision of community and economic development: a multidimensional convergence of government, business, and the social sectors with the Internet. Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/2005/3/4aIvanov.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения: 12.12.2015 г.).
2. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: теория, механизмы, технологии, практика. Москва : ТАСИС, 2004. 128 с.
3. Национальный доклад о состоянии и перспективах развития неправительственного сектора в Казахстане. Астана, 2015. 45 с.
4. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. Практика межсекторного взаимодействия / под ред. А. Е. Шадрин. Москва : Агентство социальной информации, 2010. 508 с.

References

1. Skrzyszewski S., Cubberley M. *A new vision of community and economic development: a multidimensional convergence of government, business, and the social sectors with the Internet*. Available at: <http://www.jourssa.ru/2005/3/4aIvanov.pdf> (Accessed 12.12.2015).
2. Yakimets V. N. *Cross-sector social partnerships: theory, mechanisms, technologies, and practice*. Moscow, TACIS Publ., 2004. 128 p.
3. *National report on the status and prospects of development of nongovernmental sector in Kazakhstan*. Astana, 2015. 45 p.
4. Social partnership and development of civil society institutions in the regions and municipalities. The practice of cross-sector collaboration. Ed. by A. E. Shadrin. Moscow, Agency of social information Publ., 2010. 508 p.

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИНГУШЕТИИ

Чапанов Ахмед Курейшевич, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Моховая, 9

E-mail: ahmed.targimov@mail.ru

В данной статье автором предпринята попытка исследования причин и особенностей миграционных процессов в Республике Ингушетия. Работа базируется на статистических и фактологических данных, касающихся численности населения Ингушетии, трудовых ресурсов, миграционных перемещений внутри республики, ингушских диаспоральных объединений, а также на трудах отечественных и зарубежных исследователей. Кроме того, в исследовании анализируется влияние современных трансформационных процессов на население Ингушетии.

систематизируются статистические данные по различным видам демографической структуры населения. Отмечается, что главной проблемой мигрантов, конечно, является адаптация на новом месте проживания. Массовые потоки мигрантов приводят к изменению социальной структуры населения, отнимают рабочие места у местного населения, усиливают нагрузку на жилищный фонд и рынок труда, что негативно сказывается во взаимоотношениях между коренным населением и приезжими. К тому же, в информационную эпоху, благодаря разнообразным средствам коммуникации, мигрантам легче сохранить свою национальную идентичность. С другой стороны, увеличивается доля экономически активного населения в общей численности, так как мигрируют в основном мужчины.

Ключевые слова: миграция, процесс, конфликт, беженец, миграционные потоки, притягивающие и выталкивающие факторы

FEATURES OF MIGRATION PROCESSES IN MODERN INGUSHETIA

Chapanov Ahmed K., postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
9 Mokhovaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: ahmed.targimov@mail.ru

In this article the author attempted to study the causes and features of migration in the Republic of Ingushetia. The work is based on statistical and real facts, relating to the population of Ingushetia, migratory movements within the Republic, Ingush diaspora, as well as the works of local and foreign researchers. The article also analyzes the influence of modern transformational processes on the population of Ingushetia, systematized statistical data on various types of demographic structure of the population. The main problem of migrants' adaptation at the new place of residence. Massive flows of migrants lead changes in the social structure of the population take jobs away from locals; increase the burden on the housing and labor market, which negatively affects the relations between the local residents and migrants. In addition, in the era of information, thanks to various means of communication, it's easier for migrants to preserve their national identity. On the other hand, it increases the part of economically active population in the total population because the migrants are mainly men. To this theme dedicated not much of works. That makes it even more valuable and interesting to research.

Keywords: migration, process, conflict, refugee, migration flows, push-pull factors

Как и любые социальные феномены, миграционные процессы отличаются достаточной сложностью и неоднозначностью. Миграция затрагивает многие стороны социально-экономической и политической жизни. А влияние глобализации на миграционные процессы в современном мире все больше возрастает.

В зависимости от характера пересекаемых границ различают внешнюю и внутреннюю миграции населения [6, с. 149]. Стоит отметить, что частью миграционных процессов является и эмиграция.

К сожалению, исследователи миграций чаще концентрируют свое внимание на внешних миграционных потоках и связанных с ними проблемах. В данной работе мы попытаемся рассмотреть особенности, как внешних перемещений, так и внутренних.

Все более очевидным становится тот факт, что последствия внутренних миграций порой более значительны, чем внешняя миграционная подвижность. Это касается и всего социально-экономического развития Республики Ингушетия.

Активность миграционных процессов в современной Республике Ингушетия наблюдается с 90-х гг. прошлого столетия, и их можно разделить на два этапа. Первый этап пришелся на 1990-е – начало 2000-х гг., когда миграционные перемещения носили вынужденный характер. Они стали результатом воздействия так называемых выталкивающих факторов – следствие вооруженных конфликтов на Северном Кавказе. С одной стороны, поток беженцев – вынужденных переселенцев из Пригородного района в результате межэтнического конфликта, произошедшего в этом регионе в 1992 г., с другой – две войны в Чечне. Распад СССР и последующие сложные трансформационные процессы вызвали новый поток ингушей в Европу, что было обусловлено как военно-политическими, так и социально-экономическими причинами.

Перечисленные факторы и стали в 1990-х гг. основной причиной снижения доли русскоязычного населения в регионе [2, с. 92]. Начало этому послужили события в Сунженском районе в апреле 1991 г. 7 апреля 1991 г. здесь был убит казачий атаман А. Подколзин, а 28 апреля произошло столкновение между ингушами и казаками в результате которого погибло 5 казаков и 3 ингуша.

26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов», некоторые статьи этого документа до сих пор не выполнены. Правда, за последние десять лет в Ингушетии действуют программы по возвращению и обустройству вынужденных мигрантов в прежние места проживания и постепенно этот процесс активизируется. Если будет найдено оптимальное решение по осетино-ингушскому конфликту, то возможен миграционный отток из республики в Пригородный район.

На втором этапе, с середины 2000-х гг. по настоящее время наблюдается процесс урбанизации Ингушетии приток населения из сельских местностей в городские поселения и города Ингушетии. Миграционные перемещения носят, в основном, добровольный характер. Ингуши мигрируют в поисках работы в другие регионы, где ощущается нехватка высококвалифицированных социальных работников, таких как, учителя, врачи, инженеры. Стоит отметить и репатриацию ингушского населения – возвращение эмигрантов-ингушей, покинувших родину в разные исторические периоды.

По данным Ингушетиястата, численность населения Ингушетии на 2013 г. составляет около 450 тыс. человек, доля в общей численности населения Российской Федерации составляет 0,3 %. Территория Ингушетии 3628 км², 0,02 % от общей территории РФ. При этом плотность населения очень высокая – более 121,9 чел./км². Для сравнения, при численности населения 2,946 тыс. чел. и при территории 50,3 км² в Дагестане – 58,96 чел./км², а в Чеченской Республике при численности 1,324 тыс. чел. и при территории 15,6 км² – 86,05 чел./км² [8, с. 42]. Средняя плотность населения мира по состоянию на 2013 г. равна 52 чел./км².

Ингушетия – мононациональная республика. В этническом составе населения преобладают ингуши (93,5 %). Чеченцы составляют 4,5 %, русские – 0,8 %. В 2002 г. при численности более 467 тыс. человек 77,3 % составляли ингуши, 20,4 % – чеченцы и 1,2 % – русские. Мы видим, что за десять лет количество чеченцев сократилось практически в 4,5 раза, а доля русских – на 1/3. Удельный вес городского населения – 179692 (42,5 %); удельный вес сельского населения – 267792 (57,5 %).

По данным Росстата, средний возраст населения Ингушетии на 2013 г. составил 22,2 года, городского населения – 22,4, сельского населения – 22,1; мужчин – 21,4; женщин – 22,9 года.

По сведениям Ингушетиястата, на 2012 г. трудовые ресурсы Ингушетии составляли 201,9 тыс. человек. Из них экономически активное население – 105,6 тыс. чел., мужчины – 59 тыс., женщины – 46,6 тыс. Занятые в экономике – 106 тыс., безработные – 96 тыс. чел., мужчины – 42,1 тыс., женщины – 54,2 тыс., в процентном соотношении – из 100 % экономически активного населения 51 % мужчины и 49 % женщины [8, с. 115]. Это значит, что более 20 %, или 1/5, экономически активного населения не работает.

За 2012 г. всего родившихся в Республике Ингушетия 9350 чел., умерших – 1595, следовательно положительный прирост населения на 7755 чел, а в 2007 г. он составлял 174 чел./год. Всего прибывших за январь – ноябрь 2013 г. 10061 чел., 91,7 % по отношению к 2012 г. (10976), выбывших – 7377, положительное сальдо миграции – 2684 чел. [7, с. 80]. Число прибывших в пределах региона 36,6 %, из других регионов России – 61,5 %, из-за пределов России – 1,9 %, показатели числа выбывших по аналогичным характеристикам составляют соответственно 55,0 % – 44,4 % – 0,6 % [7, с. 82].

Таким образом, мы наблюдаем в республике высокую плотность населения, при этом удельный вес сельского населения преобладает по отношению к городскому и отмечаем рост общей численности населения. Также важной характеристикой насе-

ления Ингушетии является большая доля в нем категории молодого населения. Из-за нехватки рабочих мест в республике, часть экономически активного населения вынуждена эмигрировать в другие регионы в поисках работы.

Как мы отмечали, после распада СССР, миграции были связаны с осетино-ингушским конфликтом 1992 г., в ходе которого примерно 60–70 тыс. ингушей переселилось из Пригородного района в Ингушетию. Две чеченские войны (1994–1996 и 1999–2000 гг.), дали республике около 100–110 тыс. беженцев. По свидетельству руководства Ингушетии, подавляющая масса (около 70 %) вынужденных переселенцев из Чечни проживала в частном секторе, в основном у родственников. Определенная часть была расселена в нескольких лагерях для вынужденных мигрантов – «Барт» (Карабулак), «Сацита» и «Спутник» (ст. Орджоникидзевская), которые в настоящее время не функционируют в связи с возвращением беженцев в родные места.

К середине 2000-х гг. вынужденные мигранты либо растворились в городах и селах республики, перестав быть беженцами, построив или купив жилье, либо вернулись в Чечню.

Таким образом, в Ингушетии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. основной миграционный прирост продолжал формироваться за счет беженцев из соседней Чечни. Эта миграция в недавнем прошлом носила вынужденный характер и была обусловлена военными действиями и этнополитическими факторами, а в настоящее время миграция больше связана с перемещениями в поисках работы и учебы.

Пока же миграционная ситуация в республике стабилизировалась, и движение населения в последние годы максимально достигает 8–10 тыс. чел. в год, для сравнения: в период конца 1990-х – начала 2000-х гг. в республике находились около 165 тыс. вынужденных переселенцев, что составляло практически более трети населения Ингушетии на тот период.

За последние пять лет Ингушетия также активнее других регионов России принимает беженцев и вынужденных переселенцев. «Наибольшее число вынужденных переселенцев и беженцев выбирали новым местом жительства республики Ингушетия и Северная Осетия – 7,8 тысячи. В эти республики приезжает почти каждый четвертый вынужденный мигрант, сообщает Росстат по итогам первых трех кварталов 2013 года. По данным ФМС России, на 1 октября 2013 г. в стране насчитывалось 33 тысячи вынужденных переселенцев и беженцев», – отмечается в основном докладе Росстата в разделе «Общая характеристика миграционной ситуации в РФ».

Если в 1990-х гг. в республике были вынужденные мигранты, то в настоящее время существует трудовая миграция и сезонный отток в поисках работы, а также на учебу в другие города, и так называемая маятниковая миграция: поездки на работу и учебу из села в город каждое утро и обратно вечером. Временная миграция в поисках работы связана с высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест в республике. Хотя, за последние несколько лет в Ингушетии отмечается устойчивое снижение уровня безработицы. В 2012 г. показатель безработицы снизился до 47,7 % (в Дагестане – 11,7 %, в Чеченской Республике – 29,8 %) [8, с. 115].

Проблема незанятости населения Республики отчасти смягчается оттоком на работу в Москву и другие крупные города России, в частности в Санкт-Петербург, Ростов, Краснодар, а также в нефтегазодобывающие районы страны, равнинные регионы Северного Кавказа [4, с. 148–149]. За последние 10–12 лет власти поддерживают отъезд представителей северокавказских республик в другие регионы.

Рост численности населения связан не только с положительным естественным приростом (7755 чел. за 2013 г.) и вынужденной миграционными потоками, но и с притоком трудовых мигрантов, в частности, из стран центральноазиатского и закавказского регионов. После образования самостоятельной Ингушской республики в составе Российской Федерации в июне 1992 г. и переноса административного центра из Назрани в г. Магас в 1994 г. началось активное строительство новой столицы, что привлекало мигрантов-рабочих из Средней Азии, Закавказья. С присвоением почетного звания «Города воинской славы» г. Малгобеку 8 октября 2007 г. в городе увели-

чилось строительство, усилившее поток мигрантов, приезжающих в поисках работы, особенно турок и вьетнамцев.

Кроме того, после проведения операции «Нелегал» (выявление нелегальных мигрантов и депортация их на родину) в соседних регионах в 2013 г. часть незаконных мигрантов хлынула в Ингушетию. Они представляют серьезную угрозу занятости местного населения. В связи с этим, глава республики Ю.-Б. Евкуров в августе 2013 г. заявил, что необходимо ужесточить миграционную политику в республике, так как использование дешевого труда нелегальных мигрантов создает порочную практику и усиливает проблему безработицы для местного населения [3].

Стоит также отметить, что 31 октября 2013 г. в Магасе был открыт первый в Ингушетии специальный приемник для содержания нелегальных мигрантов. В учреждении будут проживать иностранные граждане, незаконно попавшие на территорию России и подлежащие возвращению на родину.

По мнению российского исследователя И.А. Алешковского, на российском рынке труда сформировался устойчивый спрос на труд иностранных работников двух квалификационных «полосов»: работников низкой квалификации и высококвалифицированных работников современных профессий. При этом меры миграционной политики, предпринимаемые государством, предполагают поощрение иммиграции более квалифицированной рабочей силы, особенно в те отрасли и секторы национальной экономики, которые испытывают дефицит местных работников [1, с. 81–91]. Государство заинтересовано в приезде мигрантов в регионы, где ощущается нехватка рабочих рук. Но на практике основная масса мигрантов едет в Центральный федеральный округ (50 % общего миграционного потока, в том числе в Москву и Московскую область – более 30 %). Кроме того, центрами притяжения ингушских мигрантов являются такие города, как Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь.

Высокие же показатели миграционной убыли из регионов Северного Кавказа напрямую связаны с экономическим фактором (общий экономический спад, безработица и др.). Причинами этого эксперты считают, прежде всего, высокую рождаемость, приводящую к дефициту рабочих мест, и клановую систему, не позволяющую многим местным жителям поступить в вуз, занять престижную вакансию [5].

Главной проблемой вынужденных мигрантов является адаптация на новом месте проживания. Массовые потоки вынужденных мигрантов приводят к изменению социальной структуры населения, отнимают рабочие места у местного населения, усиливают нагрузку на жилищный фонд и рынок труда, что негативно сказывается во взаимоотношениях между коренным населением и приезжими. С другой стороны, увеличивается доля экономически активного населения в общей численности, так как мигрируют в основном мужчины.

В настоящее время увеличился отток населения из Ингушетии в страны Западной и Северной Европы (Бельгия, Франция, Германия, а также Польша и др.) Одна из особенностей ингушской эмиграции в Европу заключается и в том, что уезжает большое количество молодых семей. Повысился процент ингушей, уезжающих на учебу за пределы РФ, особенно число студентов, которые учатся в университетах Египта, Сирии.

Эмигрируют чаще и из-за политической и религиозной напряженности в регионе. Наблюдаются отдельные случаи эмиграции из-за религиозного давления, кровной мести, стихийных бедствий.

По данным Росстата, в последние годы отмечено переселение жителей Чечни и Ингушетии в Казахстан, где существуют ингушская и чеченская диаспоры, хотя этот поток по сравнению с миграцией внутри России меньше. Кроме того, выходцы из Чечни и Ингушетии эмигрируют в страны Западной Европы к родственникам, уехавшим во время двух недавних войн. Здесь они работают в различных отраслях экономики, в частности, в торговле, транспорте и в банковской сфере, в качестве офисных работников. Самые крупные ингушские диаспоры сложились в период депортации в Казахстане (ок. 23 тыс. чел.) и Киргизии (6,2 тыс. чел.), с периода мухаджир-

ства на Ближний Восток в Иордании (2 тыс. чел.) и Турции (более 1 тыс. чел.) и за последние двадцать лет в Бельгии (1 тыс. чел.) и Франции (ок. 1 тыс. чел.).

Для Ингушетии также характерна так называемая интеллектуальная эмиграция – выезд ученых и специалистов за пределы республики с целью поиска работы, что было особенно характерно для первой половины 2000-х гг. Такая миграционная тенденция наблюдается с конца 1990-х – начала 2000-х гг. Например, в различных городах Франции живут ингушские соотечественники: врачи, историки, художники, актеры и бизнесмены, например врач, писатель, музыкант Хамзат Беков, этнограф Марет Цороева, лингвист Пара Парчиева, тренер сборной Франции по ояме-карате Михаил Хамхоев (Мишель Шансель), журналистка и правозащитница Роза Мальсагова.

Делая выводы, можно выделить следующие причины и особенности миграционных перемещений в Ингушетии. Причины:

- в 1990-е гг. миграция носила вынужденный характер и была связана с этнополитическими факторами (войны, конфликты, политическая нестабильность);
- в настоящее время миграция носит, в основном, добровольный характер и связана с экономическими и социальными факторами, в частности, особенностями демографического развития, характеризующиеся высоким естественным приростом населения, отсюда нехватка рабочих мест, высокий уровень безработицы и т.д. Здесь же можно выделить и отдельные случаи миграций из-за кровной мести, стихийных бедствий и религиозного давления.

Особенности:

- миграции из села в город, что вызвано привлекательностью для мигрантов административных центров и городов, имеющие выгодное экономико-географическое положение;
- за последние десять лет наблюдается устойчивый миграционный отток ингушского населения в крупные города РФ и в Западную Европу и приток иммигрантов из стран Средней Азии и Закавказья;
- в основном, мигрирует мужская часть населения и молодые семьи в поисках лучшей жизни.

Республика Ингушетия – самая молодая республика (образована 4 июня 1992 г.) и самый малый субъект Российской Федерации, как по численности населения (75 из субъектов РФ), так и по территории (82 место в РФ), не считая городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга, но показатель плотности населения один из самых высоких на территории России, поэтому даже малейшие миграционные перемещения сказываются на социально-экономическом самочувствии граждан республики. Также миграционная составляющая оказывает существенное влияние на политическую и религиозную ситуацию в Ингушетии.

Проблема миграции как явления политического и социально-экономического, должна решаться государством. Для этого оно должно разработать и реализовать научно-обоснованную миграционную политику. Инструменты сбора, хранения, обработки и распространения информации в среде мигрантов при помощи новейших информационных технологий, а также совершенствование этих технологий предоставляют возможность повышения эффективности управления миграционной политикой.

Список литературы

1. Алепковский И. А. Международная миграция в начале XXI века: глобальные тенденции и особенности России // Геополитика и безопасность. 2011. № 4. С. 81–91.
2. Арапханова Л. Я. Миграционные проблемы в Республике Ингушетия // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы. Ростов-на-Дону : Северо-Кавказская акад. гос. службы, 2008. Вып. 2. С. 92–94.
3. В Ингушетии ужесточат миграционную политику // Республика Ингушетия. Режим доступа: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/019204.shtml/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (Дата обращения 18.06.2015 г.).
4. Краснослободцев В. П. Республика Ингушетия // Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Москва : Поматур, 2005.

5. Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. Москва, 2001.
6. Новейший политологический словарь / под ред. Д. Е. Погорелого. Ростов-на-Дону, 2010. 318 с.
7. Регионы России: социально-экономические показатели. Москва, 2013. 990 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2013 / Росстат. Москва, 2013. 717 с.

References

1. Aleshkovskiy I. A. Mezhdunarodnaya migratsiya v nachale XXI veka: globalnye tendentsii i osobennosti Rossii [International migration at the beginning of the XXI century: global trends and features of Russia]. *Geopolitika i bezopasnost* [Geopolitics and Security], 2011, no. 4, pp. 81–91.
2. Araphanova L. Ya. Migratsionnye problemy v Respublike Ingushetiya [The migration problem in the Republic of Ingushetia]. *Migratsionnye protsessy na Yuge Rossii: realii, problemy, perspektivy* [Migration processes in the South of Russia: Realities, Problems and Prospects]. Rostov-on-Don, Northern Caucasus Academy of State Service Publ., 2008, no. 2, pp. 92–94.
3. *V Ingushetii uzhestochat migratsionnyu politiku* [The migration policy in Ingushetia will tighten]. Available at: <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/019204.shtml/>.
4. Krasnoslobodcev V. P. Respublika Ingushetiya [The Republic of Ingushetia]. *Rossiya regionov: v kakom sotsialnom prostranstve my zhivem?* [Russian regions :what social space do we live in?]. Moscow, Pomatur Publ., 2005.
5. Muduev Sh. S. Osobennosti migratsionnykh protsessov v Dagestane [Features of migration processes in Dagestan]. *Problemy migratsii i opyt ee regulirovaniya v poliyetnichnom Kavkazskom regione* [Problems of migration and the experience of its regulation in the multiethnic Caucasus region]. Moscow, 2001.
6. *Noveysiy politologicheskii slovar* [Political Science Dictionary]. Ed. by D. E. Pogorelyy. Rostov-on-Don, 2010, 318 p.
7. *Regiony Rossii: sotsialno-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia: socio-economic indicators]. Moscow, 2013, 990 p.
8. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Statistical Yearbook of Russia]. 2013. Moscow, 2013, 717 p.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕСТВА

Сулимин Александр Николаевич, кандидат политических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (Астраханский филиал)
Российская Федерация, 414024, г. Астрахань, ул. Б. Хмельницкого, 33а
E-mail: kratos84@yandex.ru

Целью научной статьи является изучение информационных угроз российского общества и государства в условиях глобализации и выявление основных направлений государственной политики по обеспечению информационной безопасности российского общества. Актуальность работы заключается в том, что современное общество вступило на информационную стадию своего развития, что изменяет традиционные формы взаимодействия между властью и обществом, а информация становится главной ценностью в общественных отношениях. Автором проводится анализ международных и российских программных документов, посвященных становлению глобального информационного сообщества. В качестве ключевого подхода в исследовании используется концепция сетевой власти информационного сообщества. Утверждается, что формирование институтов электронного правительства предусматривается соглашениями на межгосударственном уровне, целью которых является создание единой системы электронного правительства в мире. Система открытого государственного управления в России внедряется с помощью иностранных технологий, что подрывает национальную безопасность государства. Создание информационных систем автоматической обработки может привести к таким угрозам государственной и личной безопасности как утечка информации, скрытая передача данных, отслеживание физического состояния человека. Автор делает выводы, что глобальные тренды информационного общества направлены на формирование надгосударственной сетевой власти понижающей роль государственных институтов РФ в социально-политических процессах. Наиболее уязвимым сегментом государственной безопасности в информационном обществе становится национальная идентичность, которая трансформируется в сетевой тип